

Священномученик Емилиан (Киреев) 1903–26.12.1941

**Архимандрит
Дамаскин
(Орловский),**
ответственный
секретарь
Церковно-
общественного
совета
при Патриархе
Московском
и всея Руси
по увековечению
памяти ново-
мучеников
и исповедников
Церкви Русской,
руководитель
фонда «Память
мучеников
и исповедников
Русской Православ-
ной Церкви»,
клирик храма
Покрова
Божией Матери
на Лыщиковой горе
(Москва),
www.fond.ru

«Уже вскоре после того как Емельяна рукоположили во священники, его начали вызывать в отделение НКВД. Сотрудники НКВД предлагали ему написать заявление, что Бога нет и религия — обман. В обмен на это ему предлагались различные материальные блага. Но на все уговоры отец Емельян неизменно отвечал одно: «Хоть сейчас меня забирайте, но от Бога я никогда не откажусь».

Священномученик Емилиан родился 31 июня 1903 года в селе Большие Кузьминки Ардатовского уезда Тамбовской губернии последним, шестым ребенком, в бедной крестьянской семье Алексея и Анисии Киреевых. С детства определились склонности мальчика к церковному служению. Когда ему было четыре года, для него за обыкновение было взять лапоть и, шествуя по огороду, «кадить». Затем, взрослея, он все более привязывался душой к богослужению, все чаще бывал в храме.

Когда Емельяну исполнилось восемнадцать лет, отец сосватал за него Прасковью, дочь крестьян Никифора и Акилины Дудиных, живших в небольшом соседнем сельце Саврасове. Мечта детства по-прежнему не оставляла Емельяна, он чувствовал, что призван к сугубому служению Богу, и в 1928 году пошел в город Алатырь и устроился в храм псаломщиком, готовясь к рукоположению во диакона.

В 1932 году сбылась его заветная мечта — послужить Господу в священном сане. Он был рукоположен во диакона и в том же году — во священника ко храму в селе Любимовка Порецкого района. Впоследствии местом служения отца Емельяна стал храм во имя первомученика архидиакона Стефана на окраине Ала-

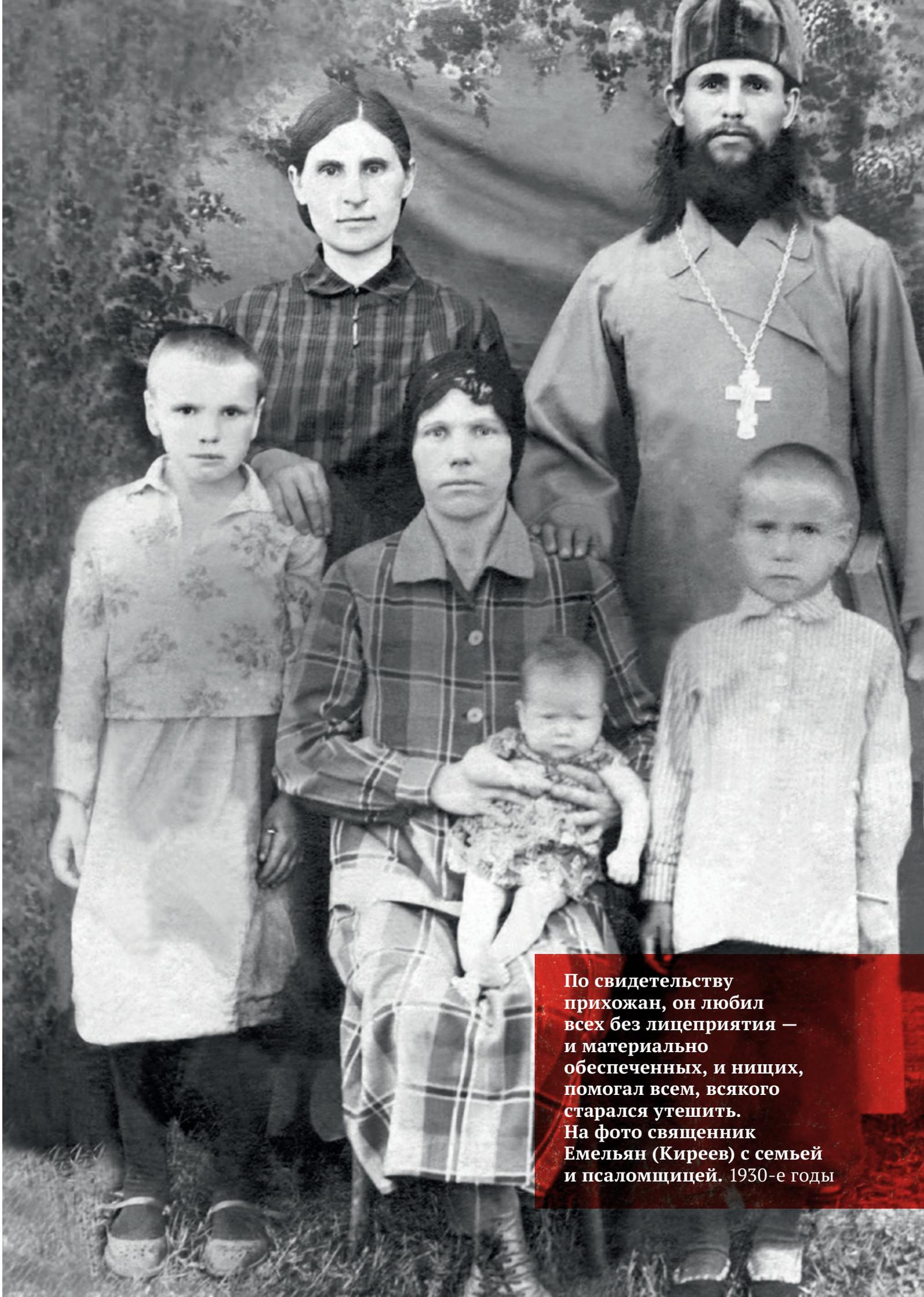
тыря. Служил здесь отец Емельян вместе с протоиереем Василием Покровским и диаконом Федором.

Став священником, отец Емельян ревностно исполнял все, что входило в круг его обязанностей. По свидетельству прихожан, он любил всех без лицеприятия — и материально обеспеченных, и нищих, помогал всем, всякого старался утешить. Нищелюбие и страннолюбие отца Емельяна были беспредельны, он подавал всем нищим, каких встречал, и привечал всех странников, какие к нему приходили.

Вскоре отца Емельяна стали вызывать в районное отделение НКВД и здесь то стращали разными карами, если он не откажется от священства, то пытались высмеивать и стыдить за то, что он такой молодой, а не хочет работать и вместо того, чтобы честно трудиться, обманывает народ и этим зарабатывает деньги.

В 1940 году городской финансовый отдел в целях получения юридического обоснования закрытия храма потребовал от священников уплаты нарочито преувеличенной суммы налога, которую выплатить было почти невозможно. Священники обратились к прихожанам с просьбой помочь уплатить налог. Прихожане организовали сбор средств и внесли требуемую сумму. Тогда отца Емельяна обвинили в том, что он принуждал к сбору средств прихожан и приговорили к шести месяцам исправительно-трудовых работ — предельному наказанию по этой статье. После отбытия срока заключения он снова вернулся к служению в храме.

В конце января 1941 года, когда протоиерей Василий и священник Емельян были в храме, из городского финансового отдела принесли извещение о необходимости уплатить налог за 1940 год и аванс за 1941 год. Отец Емельян, объявив об этом прихожанам, сказал: «Так

По свидетельству прихожан, он любил всех без лицепрятия — и материально обеспеченных, и нищих, помогал всем, всякого старался утешить. На фото священник Емельян (Киреев) с семьей и псаломщицей. 1930-е годы

▲▲
 Две сохранившиеся фотокарточки отца Емельяна с прихожанами. 1930-е гг.

и так нас посадят в тюрьму, так пусть меня возьмут из алтаря, от престола, но я буду служить до конца».

Диакон Федор, служивший в этом же храме, был давним сотрудником НКВД и написал в органы соответствующее донесение, обосновав арест пастырей; он склонил и некоторых монахинь, живших в селе после закрытия их монастырей, подписать его. Из страха оказаться в тюрьме они этот донос подписали.

Отца Емельяна арестовали спустя месяц после начала Великой Отечественной войны, 25 июля 1941 года, когда перед государством должны бы стоять совсем иные задачи, нежели истребление собственных граждан. Священник был заключен в тюрьму в Алатыре.

— Чем вы занимались после революции? — спросил его следователь.

— До 1928 года я занимался единоличным сельским хозяйством, а потом работал на лесозаводе рабочим до 1932 года. В 1932 году я поступил служить диаконом, а затем вскоре стал служить священником — по призванию и по своим убеждениям, — ответил отец Емельян.

— В марте 1941 года вы в церкви среди верующих открыто высказывали: «Безбожники погибнут и они достойны геенны огненной». Скажите, вы признаете это?

— Нет, не признаю. Я так верующим не говорил. Я говорил, как мы, христиане, должны исповедовать истинную веру и любить друг друга. Не завидовать, не красть, не обманывать и никого не обижать. Верить в Бога Иисуса Христа, соблюдать посты, не желать ближним, что самому не нравится. Соблюдать праздничные, воскресные дни... Почитать дни среду и пятницу как постные дни.

— Вы Ивана Георгиевича Подрезова хорошо знаете?

— Да, я Подрезова знаю очень хорошо, как нищего, стоящего всегда на паперти и у ворот, просящего подавание у верующих.

— Скажите, какое задание вы с Покровским давали о проведении им антисоветской агитации среди населения и верующих за время вашей службы в церкви?

— Мы с Покровским заданий Подрезову о проведении им антисоветской агитации среди населения никогда не давали, так как с Подрезовым мы никаких дел не имели, а знали его как нищего и подавали ему иногда деньги, иногда хлеб.

После допросов стали проводиться очные ставки, и первая — с нищим, который то подписывался под давлением следователя под лжесвидетельствами, то, рассказываясь, отказывался от них.

— Свидетель Подрезов, за то, что вы выполняли задания Покровского и Киреева, они вам платили за это? — спросил следователь.

— Да, они мне иногда давали по рублю, а иногда больше или давали хлеба.

— Обвиняемый Киреев, вы подтверждаете показания свидетеля Подрезова о том, что вы ему платили за проводимую им антисоветскую деятельность?

— Нет, я показания свидетеля Подрезова не подтверждаю, так как мы с Покровским Подрезову давали денег и хлеба в виде подаяния, а не за то, что он проводил по нашему поручению контрреволюционную деятельность.

— Свидетель Подрезов, кто являлся руководителем церковной контрреволюционной организации, существующей в городе Алатыре?

— Кто являлся руководителем церковной контрреволюционной организации я не знаю, но я заявляю, что так сказано в Писании Божьем, что мы должны пострадать за Христа,

и пусть я буду страдать, а их, Киреева и Покровского, освободите. Я отказываюсь от своих показаний в части того, что Киреев и Покровский являются руководителями контрреволюционной организации.

Поскольку Иван Подрезов на следствии в предыдущих показаниях признал себя виновным, что будто бы занимался по заданию священников антисоветской деятельностью, то 21 сентября 1941 года сотрудники НКВД арестовали его, заключив в тюрьму в Алатыре в качестве обвиняемого.

10 октября следствие было окончено, и 30 октября в десять часов утра в Алатырском городском суде начался суд над двумя алатырскими священниками и нищим. Монахини страха ради подтвердили на суде свои оговоры, данные на следствии.

Давая по требованию суда объяснения, отец Емельян сказал: «Антисоветскую агитацию я никогда не вел и не знаю, что это такое — контрреволюция. В марте 1939 года я о гибели безбожников ничего не говорил... Подрезову мы никаких заданий не давали. Проведения Подрезовым антисоветской агитации я не видел».

Выступивший затем государственный обвинитель потребовал вынести Подрезову смертный приговор, а священников Покровского и Киреева приговорить к десяти годам лишения свободы. Выслушав предложение обвинителя, суд удалился на совещание и, возвратившись, объявил — всех обвиняемых приговорить к высшей мере наказания — расстрелу. Сразу же

после объявления приговора вокруг смертников ошетились штыками конвой, и их стали поспешно выводить из зала суда.

На следующий день адвокатом священников была подана кассационная жалоба в Верховный суд, в ней, в частности, говорилось: «Нас обвинили в том, что мы, Василий Покровский и Емельян Киреев, являясь священнослужителями церкви, составили антисоветскую контрреволюционную группу и, сговорившись между собой и третьим обвиняемым по делу Иваном Подрезовым, и сами, и через последнего систематически, якобы вели антисоветскую агитацию среди верующих прихожан церкви. В действительности же этого никогда не было, все, что возведено на нас, является искусственным материалом, как на священнослужителей, и только».

Никакого задания мы <...> Подрезову не давали. Причем он свои показания отверг полностью. <...> Одно лишь говорил, что мы иногда ему как нищему, стоявшему всегда на паперти и выпрашивающему милостыню, подавали. <...> Это подаяние следствием и судом превращено в какую-то плату, которую он якобы получал с нас за ведение антисоветской агитации. Этого не было, и ни один свидетель или обвиняемый Подрезов это не подтвердили суду».

Верховный суд отклонил жалобу осужденных. Священник Емельян Киреев был расстрелян, по свидетельству тюремного надзирателя, за рекой Сурой в половине восьмого вечера 26 декабря 1941 года. ♣.

реклама

ГИЛЬДЕГРАМ
ХВОЯНОСЫ И ПЕЛЕНА

ТОВАРИЩЕСТВО РАСТАВРАТОРОВ
МАСТЕРСКИЕ АНДРЕЯ АНИСИМОВА

Виды деятельности:
Храмовое зодчество
Иконостасы
Церковная утварь
Иконопись
Столярные изделия
Деревянные храмы

Храм Веры, Надежды, Любви и матери их Софии в детском гематологическом центре в Москве

Интерьер храма Сретения Господня Свято-Данилова мужского монастыря

www.gildehram.ru 8 (985) 755-85-11(17), 8(985)258-03-33 gildehram@gmail.com